

219	172-01	КОНСТАНТИН ВАГИНОВ	“Человек и хор”	Часть 1 ”Десятиструнный стон”
220	172-02	КОНСТАНТИН ВАГИНОВ	“Человек и хор”	Часть 2 “Я не погиб”

“Человек и хор” (Коренблит – Вагинов)

Часть 1 ”Десятиструнный стон”

1. Окно в пространство	- 1.27
2. Музыканты	- 0.46
3. Музыка	- 1.26
4. Искусство	- 1.11
5. Новости	- 1.44
6. Как и все	- 1.33
7. Ночное пьянство	- 2.50
8. Разговор возлюбленных	- 2.04
9. Эвридика	- 2.27
10. Десятиструнный стон	- 1.17
11. Руки твои	- 2.45
12. Золотые глаза	- 1.26
13. Тихий друг	- 1.58
14. Подделки	- 1.33
15. Зов	- 1.43
16. Питер	- 2.11
17. Проспект	- 1.41
18. Под тембр гитары	- 1.36
19. Ночами	- 1.48
20. Звукоподобия	- 1.58
21. Петербургий звездочет	- 1.20
22. Искушение скорбью	- 2.07
23. Твоё виденье	- 2.45
24. Слушая хор	- 1.34
25. Паяц	- 1.42
26. Петербургский звездочёт - 2	- 1.50
<i>Общее время звучания - 46.42</i>	

Общее время звучания - 98.41

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОКНО В ПРОСТРАНСТВО

Набухнут бубны звезд над нами,
Бубновой дамой выйдет ночь,
И над великим рестораном
Прольет багряное вино.

И ты себя как горсть червонцев
Как тонкий мех индийских коз
Отдашь в ее глухое лоно
И там задремлешь глубоко.

Прильни овалом губ холодных
Последний раз к перстам чужим

И в человеческих ладонях
Почувствуй трепетанье ржи.

Твой дом окном глядит в пространство,
Сырого лона запах в нем,
Как Финикия в вечность канет
Его Арийское веретено.

2. МУЗЫКАНТЫ

В повышенном горе
На крышах природы
Ведут музыканты
Свои хороводы.
Внизу обезьяны,
Ритма не слыша,
Пляшут и вьются
Томно и скушно.
И те же движенья,
И те же сомненья,
Как будто, как будто!
По градам и весям
Они завывают,
И нежно, и сладко
Себя уважают.

3. МУЗЫКА

В книгохранилищах летят слова.
В словохранилищах блуждаю я.
Вдруг слово запоеет, как соловей –
Я к лестнице бегу скорей,
И предо мною слово точно коридор,
Как путешествие под бурною луною
Из мрака в свет, со скал береговых
На моря беспредельный перелив.
Не в звуках музыка – она
Во измененье образов заключена.
Ни О, ни А, ни звук иной
Ничто пред музыкой такой.
Читаешь книгу – вдруг поет
Необъяснимый хоровод,
И хочется смеяться мне
В нежданном и весеннем дне.

4. ИСКУССТВО

Я звёзды не люблю. Люблю глухие дома
И площади, червонные, как ночь.
Не погребен. Не для меня колокола хрипели
И языками колотили ночь.

Я знаю, остров я среди кумачной бури
Венеры, муз и вечного огня.
Я крепок, не сломать меня мятежной буре, -

Еще сады в моих глазах звенят.

Но, человек, твое дороже тело
Моей червонномраморной груди
И глаз моих с каймою из лазури,
И ног моих, где моря шум умолк.

5. НОВОСТИ

Он думал: вот следы искусства
Развернутого на горах
Сердцами дам
И усачи с тяжелой лаской глаз
Он видел вновь шумящие проспекты
И север в свете снеговом
Пушистых дев белеющие плечи
Летящих в море ледяном
И в солнечном луче его друзья стояли
Толпились как первые мечты
[и горькие глаза рукою прикрывали
и горькими глазами наблюдали
О горе новостях ему повествовали]
И новости ему в окно кидали
Как башмачок, как ясные цветы.

6. КАК И ВСЕ

Всю ночь дома дышали светом,
Весь город пел в сиянье огнем,
Снег падал с крыш, теплом домов согретый,
Невзрачный человек нырнул в широкий дом.

Он, как и все, был утомлен разлукой
С своей душой,
Он, как и все, боролся с зябкой скукой
И пустотой.

Пленительны предутренние звуки,
Но юности второй он тщетно ждет
И вместо дивных мук – разуверенья муки
Вокруг него, как дикий сад, растут.

7. НОЧНОЕ ПЬЯНСТВО

И точно яблоки румяны
И точно яблоки желты,
Сидели гости на диване,
Блаженно раскрывая рты.
Собранье пеньем исходило:

Сперва madame за ним ходила,
Потом monsieur ее сменил...

Декольтированная дама,
Как непонятный сфинкс, стояла,

Она держала абажур,
 На нем Психея и Амур,
 Из тюля нежные цветочки
 И просто бархатные точки.
 Стол был ни беден, ни богат,
 Картофельный белел салат.
 И соловей из каждой рюмки
 Стремглав за соловьем летел.
 Раскланиваясь грациозно,
 Старик пленительный запел:
 Зачем тревожишь ночью лунной
 Любовь и молодость мою.
 Ведь девушкою легкострунной
 Своей души не назову.
 Она веселая не знала,
 Что ей погибель суждена.
 Вакханкой томною плясала
 И радостная восклицала:
 - Ах, я пьяна, совсем пьяна!..
 И полюбила возноситься,
 Своею легкостью кичиться,
 Пчелой жужжащею летать,
 Безмолвной бабочкой порхать...
 И вдруг на лестнице стоять.
 Теперь, усталая не верит
 В полеты прежние свои
 И лунной ночью лицемерит
 Там, где свистали соловьи.

Старик пригубил.
 Смутно было.
 Луна над облаком всходила.
 И стало страшно, что не хватит
 Вина среди ночи.

8. РАЗГОВОР ВОЗЛЮБЛЕННЫХ

Вблизи от войн, в своих сквозных хоромах,
 Среди домов, обвисших на полях,
 Развертывая губы, простонала
 Возлюбленная другу своему:
 “Мне жутко, нет ветров веселых,
 “Нет парков тех, что помнили весну,
 “Обоих нас, блуждавших между кленов,
 “Рассеяно смотревших на зарю.
 “О, вспомни ночь. Сквозь тучи воды рвались,
 “Под темным небом не было земли,
 “И ты восстал в своем безумье тесном
 “И в дождь завыл о буре и любви.
 “Я разлила в тяжелые стаканы
 “Спокойный вой о войнах и волках,
 “И до утра под ветром пиновала,
 “Настраивая струны на уа.

“И видел дома ты, подстриженные купы,
 “Прощальный голос матери твоей,
 “Со мной, безбрежный, ты скитался
 “И тек, и падал, вскакивал, пенясь”.

9. ЭВРИДИКА

Зарею лунною, когда я спал, я вышел,
 Оставив спать свой образ на земле.
 Над ним шумел листвою переливной
 Пустынный парк военных дней.
 Куда идти легчайшими ногами?
 Зачем смотреть сквозь веки на поля?

Но музыкою из тумана
 Передо мной возникла голова.
 Ее глаза струились,
 И губы белые влекли,
 И волосы мерцая изгибались
 Над чернотой отсутствующих плеч.
 И обожгло: ужели Эвридикой
 Искусство стало, чтоб являться нам
 Рассеянному поколению Орфеев,
 Живущему лишь по ночам.

10. ДЕВЯТИСТРУННЫЙ СТОН

Он с юностью своей, как должно, распрощался
 И двойника, как смерти, испугался.
 Он в круг вступил и, мглою окружен,
 Услышал пред собой девятиструнный стон.

Ее лица не видел он,
 Но чудилось – оно прекрасно,
 И хор цветов и голоса зверей
 Вливались в круг, объятый ночью властной.

И появилось нежное лицо,
 Как бы обвеянное светом.
 Он чувствовал себя и камнем, и свинцом,
 Он ждал томительно рассвета.

11. РУКИ ТВОИ

Как нежен запах твоих ладоней,
 Морем и солнцем пахнут они,
 Колокольным тихим звоном полный
 Ладоней корабль бортами звенит.

Твои предки возили пряности с Явы,
 С голубых островов горячих морей,
 Помнишь, осколок якоря ржавый
 Хранится в узорной шкатулке твоей?

Там же лежат венецианские бусы

И золотые монеты с Марком святым...
Умер корабль, исчезли матросы,
Волны не бьются в его борты.

Он стал призраком твоих ладоней,
Бросил якорь в твоей крови,
И погребальным звоном полны
Маленькие нежные руки твои.

12. ЗОЛОТЫЕ ГЛАЗА

Золотые глаза,
Точно множество тусклых зеркал,
Поднимает прекрасная птица.
Сквозь туманы и свисты дождя
Голубые несутся просторы.

Появились под темным дождем
Два крыла быстролетной певички,
И томимый голос зажег
Бесконечно утлые лица.

И запели пленительно вдруг
В обветшалых телах, точно в клетках,
Соловьи об убитой любви
И о встречах, губительно редких.

13. ТИХИЙ ДРУГ

Тебе примерещился город,
Весь залитый светом дневным,
И шелковый плат в тихом доме,
И родственников голоса.
Быть может сочные луны
Мерцают плодов над рекой,
Быть может, ясную зрелость
Напрасно мы ищем с тобой!
Все так же, почти насмехаясь,
Года за годами летят,
Прекрасные очи подруги
Все так же в пространство глядят.
Мне что – повернись, не замечу
Как год пролетел и погас.

Но для нее цветы цветут,
К цветам идет она.
И в поднебесье голоса
И голоса в траве.
И этот свист, и яркий свет
В соотношении с ней –
Уйдет она и вновь земля
Исчезла предо мной.
Вне времени и вне пространств
Бесплотен, словно дух,
Я метеором промелькнул,

Когда б не тихий друг.

14. ПОДДЕЛКИ

Подделки юную любовь напоминают,
Глубокомысленно на полочках стоят.
Так нежные сердца кому-то подражают,
Заемным опытом пытаются сиять.

Но первая любовь, она благоухает,
Она, безумная, не хочет подражать,
И копии, и слепки разбивает,
И пенъем наполняет берега.

Но копии, но слепки, точны формы,
Ее зовут, ее влекут,
Знакомое предстанет изваянье,
Когда в музей прохожие войдут.

15. ЗОВ

От берегов на берег
Меня зовет она,
Как будто ветер блещет,
Как будто бьет волна.
И с птичьими ногами
И с голосом благим
Одета синим светом
Садится предо мной:
«Плывем мы в океане,
Корабль потонет вдруг,
На острова блаженных
Прибудем, милый друг.
И музыку услышишь,
И выйдет из пещер
Прельщающий движенье
Сомнамбулой Орфей.
Сапфировые косы,
Фракийские глаза,
А на устах улыбка
Придворного певца».

В стране Гипербореев
Есть остров Петербург,
И музы бьют ногами,
Хотя давно мертвы.
И птица приумолкла.
- Чирик, чирик, чирик –
И на окне, над локтем
Герани куст возник.

16. ПИТЕР

Промозглый Питер легким и простым
Ему в ту пору показался.
Под солнцем сладостным, под небом голубым

Он весь в прозрачности купался.

И липкость воздуха, и чёрные утра,
И фонари, стоящие, как слезы,
И липкотеплые ветра
Ему казались лепестками розы.

И он стоял, и в северный цветок,
Как соловей, все более влюблялся,
И воздух за глотком глоток
Он пил – и улыбался.

И думал: молодость пройдет,
Душа предстанет безобразной
И почернеет, как цветок,
Мир обведет потухшим глазом.

Холодный и язвительный стакан,
Быть может, выпить нам придется,
Но все же роза с стебелька
Нет-нет и улыбнется.

Увы, никак не истребить
Виденья юности беспечной.
И продолжает он любить
Цветок прекрасный бесконечно.

17. ПРОСПЕКТ

Дрожал проспект, стреляя светом,
Извозчиков дымилась цепь,
И вверх змеями извивалась
Толпа безжизненных калек.
И каждый маму вспоминает,
Вспотевший лобик вытирает,
И в хоровод детей вступает
С подругой первой на лугу.
И бонны медленно шагают,
Как злые феи с тростью длинной,
А гувернеры в отдаленье
Ждут окончанья торжества.
И змеи бледные проспекта
Ползут по лестницам осклизлым
И видят клетки, в клетях лица
Подруг торжественного дня.
И исковерканные очи
Глядят с глубоким состраданьем
На вверх ползущие тела.
И прежним именем ласкают,
И в хоровод детей вступают
С распущенной косою длинной,
С глазами точно крылья птиц.

18. ПОД ТЕМБР ГИТАРЫ

Из женовидных слов змеей струятся строки,
 Как ведьм распахнутый кричащий хоровод,
 Но ты храни державное спокойство,
 Зарею венчанный и миртами в ночи.
 И медленно, под тембр гитары темной,
 Ты подбирай слова, и приручай, и пой,
 Но не лишай ни глаз, ни рук, ни ног зловещих,
 Чтоб каждое несло, но за руки держась.
 И я вошел в слова, и вот кружусь я с ними,
 Танцую в такт над дикой крутизной,
 Внизу дома окружены зарею,
 И милая жена, как темное стекло.

19. НОЧАМИ

За ночью ночь пусть опадает,
 Мой друг в луне
 Сидит и в зеркало глядится.
 А за окном свеча двоится
 И зеркало висит, как птица,
 Меж звезд и туч.
 “О, вспомни, милый, как бывало
 Во дни раздоров и войны
 Ты пел, взбегая на ступени
 Прозрачных зданий над Невой”.

И очи шире раскрывая,
 Плечами взрогнет, подойдет.
 И сердце, флейтой обращаясь,
 Унывно в комнате поет.
 А за окном свеча бледнеет
 И утро серое встает.
 В соседних комнатах чиханье,
 Перегородок колыханье
 И вот уже трамвай идет.

20. ЗВУКОПОДОБИЯ

Он разлюбил себя, он вышел в непогоду.
 Какое множество гуляет под дождем народу.
 Как песик вертится, и жалко и пестро
 В витрине возлежит огромное перо.

Он спину повернул, пошел через дорогу,
 Он к скверу подошел с решеткою убогой,
 Где зелень нежная без света фонарей
 Казалась черною, как высота над ней.

Но музыка нежданная раздалась
 И флейта мирная под лампой показалась,
 Затем рояля угол и рука
 Игравшего, как дева, старика.

Гулявший медленно от зелени отходит

И взором улицу бегущую обводит,
Он погружается все глубже в непогоду,
Любовь он потерял, он потерял свободу.

21. ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЗВЕЗДОЧЕТ

Дыханьем Ливии наполнен Финский берег.
Бреду один средь стогов золотых.
Со мною шла чернее ночи Мэри,
С волною губ во впадинах пустых.
В моем плече тяжелый ветер дышит,
В моих глазах готовит ложе ночь.
На небе пятый день Румяный Нищий ищет,
Куда ушла его земная дочь.
Но вот двурогий глаз повис на небе чистом,
И в каждой комнате проснулся звездочет.
Мой сумасшедший друг луну из монтекристо,
Как скрипку отзвеневшую, убьет.

22. ИСКУШЕНИЕ СКОРБЬЮ

Одно неровное мгновенье
Под ровным оком бытия
Свершаю путь я по пустыне,
Где искушает скорбь меня.
В шатрах скользящих свет не гаснет,
И от зари, и до зари
Венчаюсь скорбью, и прощаюсь,
И вновь венчаюсь до зари.
Как будто скорбь владеет мною,
Махнет платком – и я у ног,
И чувствую: за поцелуй единый
Я первородством пренебрег.

23. ТВОЁ ВИДЕНЬЕ

Час от часу редет мрак медвяный
И зеленеют за окном листы.
Я чувствую – желаньем полон мрамор
Вновь низвести небесные черты.
В несозданном, несотворенном мире,
Где все полно дыханием твоим,
Не назову гробницами пустыни
Я образы тревожные твои.
Охваченный твоим самосожженьем,
Не жду, что завтра просветлеешь ты
И все еще ловлю в дыму твое виденье
И уходящий голос твой люблю.
И для меня прекрасна ты,
И мать, и дочь одновременно
Средь ключев дыма и огня.
На ложах точно сна виденья
Сидим недвижны и белы,
И самовольное встает
Полулетающее виденье,

Неотразимое явление.

24. СЛУШАЯ ХОР

В одежде из старинных слов
 На фоне мраморного хора
 Свой острый лик я погрузил в партер,
 Но лилия явилась мне из хора.
 В ее глазах дрожала глубина
 И стук сиял домашнего вязанья,
 А на горе фонтана красный блеск,
 Заученное масок гоготанье.
 И жизнь предстала садом мне,
 Увы, не пышным польским садом.
 И выступаю из колонн
 Моих ночей мрачноречивых.
 Но как мне жить среди людных очагов,
 В плаще трагическом героя,
 С привычкою все отступить назад
 На два шага, с откинутой спиною.

25. ПАЯЦ

Луна, как глаз, налилась кровью,
 Повисла шаром в темноте небес,
 И воздух испещрен мычанием коровьим,
 И волчьим завываньем полон лес.

И старый шут горбатый и зеленый
 Из царских комнат прибежал к реке
 И телом обезьянки обнаженным
 Грозил кому-то в небесах в тоске.

И наверху, где плачут серафимы,
 Звенели колокольцы колпака,
 И старый Бог, огромный и незримый,
 Спектакль смотрел больного червяка.

И шут упал, и ангелы молились,
 Заплаканные ангелы у трона Паяца,
 И он в сиянье золотистой пыли
 Смеялся резким звоном бубенца.

И век за веком плыл своей орбитой,
 Родились юноши с печалью вместо глаз,
 С душою обезьянки, у реки убитой,
 И с той поры идет о Паяце рассказ.

26. ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЗВЕЗДОЧЕТ - 2

В последний раз дотронуться до облаков поющих,
 Пусть с потолка тяжелый снег идет,
 Под хриплой кущей бархатистых кружев
 Рыбак седой седую песнь прядет.
 Прядет ли он долины Иудеи

Иль дом крылатый на берегах Невы,
В груди моей старинный ветер рдеет,
Качается и ходит в ней ковыль.
Но он сегодня вышел на дорогу,
И с девушкой пошел в мохнатый кабачок.
Он как живой, но ты его не трогай,
Он ходит с ней по крышам широко.
Шумит и воет в ветре Гала-Петер
И девушка в фруктовой слышит струны арф,
И Звездочет опять прядет в своей карете
И над Невой клубится синий звездный пар.
Затем над ним, подьемля крест червонный,
Качая ризой над цветным ковром,
Священник скажет: - Умер раб Господний, -
Иван Петров лежит в гробу простом.